

Тени появляются на закате

Не зря, видно, говорят, что новичкам везет. ... Молодым специалистом, в должности стажера-исследователя геологического института Дальневосточного научного центра, я проводил свой первый полевой сезон, если не считать короткой поездки предыдущей осенью на месторождение Союзное на реку Милоградовку (Ванчин). Вдвоем с напарником - студентом-практикантом владивостокского политеха Анатолием Петуховым - мы работали в приморской тайге к западу от посёлка Ольга, в “арсеньевских” местах, подробно описанных Владимиром Клавдиевичем в книге “По Уссурийскому краю”.

Наш маленький лагерь – палатка и два бязевых полога-накомарника под одним тентом - располагался на невысоком берегу реки Мысовки, до переименования маньчжурских и китайских гидро- и топонимов называвшейся Тенфуровой, правом притоке р. Минеральной (Сандагоу). Река Минеральная, в свою очередь, сливалась с р. Аввакумовкой, несущей свои воды в залив Ольги.

Все ближние маршруты за неделю были пройдены, времени до приезда экспедиционной машины из Владивостока ещё было достаточно, поэтому, чтобы не сидеть без дела, я решил сделать многодневный маршрут с переходом в верховья левых притоков р. Васильковки (Сыдагоу) – ручьев Извилистого и Рассыпная Падь, затем маршрутом вдоль р. Б.Сеировой с отбором проб и образцов планировал спуститься к Аввакумовке и по проходящему вдоль нее и р. Минеральной шоссе (при известной доле везения на попутном транспорте) вернуться на Мысовку.

Наш путь проходил по хребту Мохнатый Мыс через г.Половинкина. На старых картах, которыми мы тогда ещё пользовались, она называлась Тазовской. В этом топониме тоже были китайские корни, – русские поселенцы называли тазами людей, рожденных от смешанных удэгейско-китайских браков, русифицировав их китайское наименование “да цзы”. До сей поры на Аввакумовке существует село, населенное тазами, хотя название у него самое, что ни на есть русское - Михайловка.

Утром намеченного для выхода в маршрут дня накрапывал дождь, и мы тронулись в путь только после полудня, когда просохла трава, поэтому перед г.Тазовской-Половинкина оказались лишь к вечеру. Мы поднимались по поросшему густым кедровым стланником узкому водоразделу по мягкой, устланной рыжей хвоей звериной тропе, то и дело ныряющей под толстые разлапистые стволы.

На нас были увесистые рюкзаки с продуктами, посудой, чехлами от спальных мешков, запасной одеждой, пологам, без которых при обилии мокреца в этих местах спать было невыносимо, тентом от дождя и тяжелыми, как кирпичи, надувными резиновыми матрасами. Для приготовления чая был взят самый настоящий чайник с длинным носиком. Опытные туристы, обходящиеся минимумом снаряжения, таких, какими тогда, наверное, выглядели мы с Толей, презрительно называют именно «чайниками». Такое определение, широко применяемое по отношению ко всем новичкам, и не только в туризме, было, наверное, навеяно обликом начинающих туристов, бредущих с привязанными к рюкзакам чайниками. Приобретя опыт первой “многодневки”, лишние предметы в длинные маршруты я потом уже никогда не брал, а необходимое всегда заменял облегченными вариантами.

Мы были неплохо вооружены. На плече у Толи висела его гордость – вертикалка 16-го калибра, а у меня на шее, – так с пригибающим к земле рюкзаком было удобнее, – короткий кавалерийский карабин выпуска печально знаменитого тридцать седьмого года. На поясах у нас болтались большие охотничьи ножи, а в руках, как посохи, мы несли геологические молотки на длинных ручках, которые в случае необходимости также можно было использовать в качестве холодного оружия. Так подробно о нашем арсенале я пишу потому, что, как следует из дальнейшего, при других, менее благоприятных обстоятельствах, оно нам очень даже могло пригодиться, если, конечно, мы успели бы им воспользоваться.

Постепенно поднялись выше зоны леса, нам открылись неопишуемой красоты виды, но было не до них, – спотыкаясь, мы перепрыгивали через пружинящие ветки стланика, под

особенно толстыми, если это было возможно, приходилось проползать на четвереньках. Слабый ветерок дул навстречу, немного охлаждая наши потные лица.

Примерно в полукилометре от маячившей впереди вершины, обычно шедший в маршрутах первым, я почему-то немного приотстал - то ли за камнем наклонился, то ли внутренний голос подсказал, что именно сейчас торопиться не стоит. Вдруг явственно слышу возбужденный Толин шепот: "Тигра, тигра!" На мгновение вспомнились сказочные персонажи Винни Пух с Пятачком и их друг, симпатичный и добродушный полосатый зверь Тигра.

Я сделал шаг влево и тоже его увидел. Он стоял метрах в десяти правым к нам боком и, как мне показалось, его усатая морда в первые секунды выражала чувство удивления и досады, ведь судя по всему, мы с Толей застали его врасплох. Видно также было, что он растерян и не знает, как же ему теперь поступить. Мы же, как говорится, застыли, как вкопанные.

Не спуская с нас своих золотистых глаз, тигр тоже не двигался, дав нам возможность хорошенько его рассмотреть. Это был довольно крупный зверь, не меньше двух метров в длину, покрытый великолепным густым мехом. Конец толстого длинного хвоста у него нервно подёргивался. В остальном же держал он себя в своих мощных лапах довольно спокойно: стоял молча, зубы свои не демонстрировал, смотрел, я бы даже сказал, печально (очень тогда хотелось верить, что печаль эта не сродни слезам крокодила), злоба в его глазах не читалась. В этот солнечный погожий день у него, хорошо, видимо, выспавшегося, было миролюбивое настроение. По всей его комплекции также чувствовалось, что от голода он явно не страдал.

Довольно добродушный вид и совсем не агрессивное поведение тигра позволили нашим сердцам не провалиться в пятки, волосам не встать дыбом и не посесть, - они у меня сделали это всё-таки, но гораздо позже, - а нам самим не испытать приступы "медвежьей болезни" и не потерять дар речи, - такой случай, произошедший с одним из лесорубов, описан известным дальневосточным писателем-натуралистом Сергеем Кучеренко, и произошло это как раз на Васильковке, куда сейчас мы направлялись, - после встречи с гигантской кошкой на несколько часов он онемел, - мычал только и пальцем в тайгу показывал.

Так мы и стояли втроём в полной нерешительности. Потом тигр величественно повернул голову и, уже не глядя на нас, сошёл с тропы и двинулся по склону. Прежде, чем окончательно раствориться в хвойном море, его полосатая шкура ещё помелькала между мохнатых лап стланника. Несколько минут мы оживленно обменивались впечатлениями, ведь прежде мне доводилось видеть тигров только в зоопарке, а Толе и подавно лишь на киноэкране в "Полосатом рейсе". Я посетовал, что мой "Зенит" лежал в рюкзаке, хотя у меня самого не было уверенности, что под внимательным взглядом "царя зверей" мне пришлось бы в голову манипулировать фотоаппаратом, рискуя спровоцировать смертельный прыжок. Не стоит, наверное, и говорить, что в соответствии со сложившейся ситуацией, о применении своего оружия за всё это время мы даже не помышляли.

... Двинулись дальше. Вышли на заваленную покрытыми лишайниками глыбами меловых дацитов довольно плоскую вершину, - её венчал невысокий геодезический тур. Скинули на камни надоедливые рюкзаки, огляделись. Уже вечерело. Немилосердно палящее на безоблачном небе солнце сваливалось к горизонту. Покоренная нами вершина на всём обозримом пространстве господствовала над окружающими высотами, и от открывшегося вида бесконечной тайги, извилов рек и пересекающихся хребтов захватывало дух.

Встали на вершине спиной к садящемуся солнцу, глянули вниз, чтобы сверху рассмотреть дальнейший свой путь и ... обомлели. На ровном, как будто заснеженном поле тумана, простирающемся ниже нас, лежали гигантские, метров по сто длиной наши чёрные тени. Они были на удивление четкими, а головы обнимали радужные нимбы. Послушно повторяя все наши движения, тени поднимали многометровые руки, подпрыгивали и приседали вместе с нами.

Впечатлённый увиденным, я вырвал из полевого дневника листок и написал: "12 июля 1975 г. здесь были два святых геолога: Геннадий Ботряков и Анатолий Петухов", - нимбы над головами наших теней как будто позволяли мне хотя бы на короткое время причислить себя и своего напарника к лику святых. Вложил записку в ружейную гильзу, оставшуюся после того, как Толя отсалютовал в воздух из своей двустволки, и поместил её среди плоских камней, слагающих тур (возможно, она до сих пор там).

...Полюбовались своими тенями-исполинами, - когда ещё такое придётся увидеть, - покуда потянувший ветерок не разорвал, а вскоре и вовсе не разогнал туман. Внизу проявилась каменная осыпь - курум, длинным языком спускающийся к далекому лесу в верховьях ручья. На востоке светлела полоска Японского моря, хорошо просматривались очертания Ольгинского залива.

Надо было идти вниз. Уже без тропы мы продирались сквозь густые заросли стланика, где раза два я падал лицом вперед, а для полноты ощущения получал по затылку чувствительные удары карабином, перевешенным назад, - теперь было удобнее его нести именно так. Наконец, вышли на крупноглыбовый курум. Где-то на середине пути, измученные жаждой, мы стали испытывать танталовы муки, - глубоко под камнями с шумом текла вода, но, не имея под рукой подъемного крана, добраться до неё не представлялось возможным.

Чертыхаясь и отпуская более крепкие выражения, когда нога срывалась с камня, - наша "святость" как-то сама собой развеялась вместе с туманом, - на дрожащих от напряжения ногах мы допрыгали до первой развесистой березы, и были тут же по-царски вознаграждены, потому что прямо из-под могучего дерева бил даже не ключ, а настоящий фонтан холодной и чистой воды, той самой, которая долго дразнила нас своим журчанием под курумом. Сначала мы пили, погрузив в неё свои разгоряченные лица, даже, кажется, не сняв рюкзаки. Потом достали кружки и, уже не торопясь, стали смаковать каждый глоток этой удивительно вкусной воды.

Дальше я решил не идти, - маршруты можно было начинать прямо от родника. Поставили поблизости полога под тентом, а у "фонтана" оборудовали кухню.

...Через пять дней мы добрались до своего лагеря на Мысовке. Все время, пока мы были в маршруте, ни одна тучка не заслонила солнце (и звезды по ночам), ни одна капля дождя не упала на наши головы. К лагерю мы также подходили в жаркую, солнечную погоду, но, едва расправили натруженные рюкзаками плечи, с запада показалась мрачная черная туча, подул ветер. Сначала слабый, в считанные минуты он превратился в настоящий ураган.

Мы срочно подтянули верёвки на терпеливо ждущей нашего возвращения палатке, и едва успели нырнуть внутрь, как с небес обрушился тропический ливень. Тайга наполнилась громом и треском. Могучие тополя и липы, в изобилии растущие в долине и по бортам Мысовки, ломались ветром невероятной силы, словно спички, некоторые выворачивало с корнями, - последствия урагана мы наблюдали несколько позже. На наше счастье, место для лагеря было выбрано удачно: крупные деревья поблизости не росли, а те, что росли, устояли под натиском стихии.

Ураган бушевал минут десять, потом так же внезапно всё кончилось. Громадная туча ушла в сторону моря, выглянуло солнце, перекинув через долину мост радуги, защебетали птицы. Вспомнилось тютчевское: «Гроза прошла, ещё курясь, лежал/ Высокий дуб, перунами сражённый, /И сизый дым с ветвей его бежал,/ По зелени, грозью освежённой./Но уж давно, звучнее и слышней / Пернатых песнь по роце раздалась, / И радуга, концом своих ветвей / В зелёные вершины уперлася.

Едва мы выбрались из палатки на «освежённый» грозой воздух, со стороны лесной дороги, по которой совсем недавно сами пришли, услышали громкий призывный крик. Мы хором откликнулись, и несколько секунд спустя прямо из мокрых кустов к нам выскочила аккуратная рыжая лайка Кема, а чуть позже показался и её хозяин, – наш завлаб Владимир Георгиевич Сахно, а с ним сотрудник Александр Вржосек. Они приехали из Владивостока, чтобы забрать нас для продолжения работ в других районах Восточного Сихотэ-Алиня.

Быстро собрали лагерь, загрузились в вахтовку и вскоре уже были на Аввакумовке, где и заночевали на широкой косе. Вечером по своему экспедиционному приёмнику мы узнали, что в окружающем мире произошло ещё одно замечательное событие, – где-то высоко над головами, в космосе, произошла стыковка советского «Союза» и американского «Аполло».

Из книги "По Уссурийскому краю" я узнал потом, что во время своих путешествий В.К.Арсеньев также встречал тигра на склонах Тазовской. Возможно, встреченный нами зверь был его прямым потомком? В одной из книг мне попадались и описания гигантских теней на облаках. Книгу написал топограф, а тени-исполины, стоя на закате на высокой вершине, он видел в горах Сахалина. Это редкое, возникающее благодаря интерференции световых лучей

оптическое явление, впервые описанное в горах Гарца в Германии, даже имеет, оказывается, своё название: “броккенское видение”.

Эта замечательная во всех отношениях история в том же году имела неожиданное продолжение, в котором совершенно невероятным образом переплелись такие казалось-бы несопоставимые вещи, как тени и, как это ни удивительно, полосатый хозяин тайги – тигр.

Уже наступил сентябрь, когда мы, отработав несколько районов, стояли на реке Малая Кема. Рыбы там практически не было по причине исключительно малых размеров реки, усугубленной засушливостью конца лета, и нам пришлось перейти на приевшуюся уже тушенку. В один из погожих дней мы собрались на охоту вместе с Александром Вржосеком, Толей Петуховым и хвостатой «тёзкой» реки Кемой. Наши надежды были связаны с кабанями, они в окрестностях лагеря явно водились, - следы их жизнедеятельности были повсюду.

Несколько часов свободного поиска по тайге положительного результата не дали, и мы уже засобирались поворачивать назад. Стоя на терраске журчащего внизу ручейка, невидимого в густых кустах, мы тихо совещались, - на охоте ведь громко не разговаривают, чтобы не распугать зверей, которых всем хочется подпустить поближе и увидеть сквозь прицел своих ружей. Вдруг мне послышался едва различимый характерный хруст гальки, который мог производить только какой-нибудь зверь. Я предостерегающе поднял руку, призывая к молчанию, и на языке жестов дал понять Толе и Александру, что внизу кто-то идет. Словно пограничная собака в дозоре, Кема тоже наострила уши.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем между кустов внизу замелькало что-то рыжее. Как по команде, мы вскинули свои ружья, и вдруг к своему ужасу, чуть повыше мушки, очень явственно, я рассмотрел длинные темные полосы на рыжем фоне. “Не стреляйте, это тигр!!!”, - зашипел я, и Вржосек, уже готовый надавить на спусковой крючок, не решаясь выстрелить, недоуменно посмотрел вниз. И в этот самый момент грохнул взорвавший тишину выстрел, - это Толя выпалил из ружья по животному, которое я принял за тигра. Потом Толя утверждал, что не слышал меня, потому и выстрелил раньше других.

Сразу после этого мы увидели, как из кустов выпрыгнула косуля и высокими, упругими прыжками поскакала вверх по ручью. Тут уж и мы с Вржосеком со своими винтовками присоединились, устроив настоящую канонаду. Вдруг нам показалось, что коза захромала. Подумали, что дело сделано и отпустили рвущуюся с поводка Кему.

Потом случилось необъяснимое, - коза остановилась, как будто покорно ожидая своей участи, но как только наша собака прыгнула на неё, ловко увернулась и поскакала обратно мимо нас, словно “бегущий кабан” на стрелковом стенде. Кема не отставала, повизгивая от досады, что не может ухватить её за ногу. Стрелять в такой ситуации, - значит подвергать смертельной опасности собаку, поэтому мы только проводили глазами этот быстро скрывшийся в кустах дружный тандем. Некоторое время мы ещё слышали из леса треск ломаемых веток, а также лай и повизгивание Кемы, затем всё стихло.

Всё “представление”, довольно подробно описанное здесь, длилось не более десяти секунд, жаль не было секундомера, чтобы замерить его длительность, ведь “точность”, - это известно всем, – вежливость королей, а вот “неточность” – вежливость неудачливых охотников, каковыми мы все оказались в тот день.

Всё было кончено: “актеры” разбежались. Немного обалдевшие, мы спустились к “сцене”, где был поставлен импровизированный “спектакль”, сожалея, что нельзя, как на репетиции или же на прогоне в настоящем театре повторить “проход” с самого начала. Однажды мне довелось присутствовать и видеть, как это бывает, на настоящем прогоне премьерного спектакля в Омском драматическом театре, куда меня пригласил его директор, мой старый владивостокский товарищ, геолог Борис Мездрич. Вот тогда уж, на втором “дубле”, казалось, мы бы не промахнулись и “актеры” подольше оставались на “сцене”, одному из них, правда, пришлось бы умереть. На том спектакле в Омске, кстати, один из главных героев так и делает – «благополучно» умирает. Через несколько минут после его “смерти” я уже знакомился с ним в кабинете директора, на стене которого висела фотография Бориса вместе Александром Солженицыным, – он тоже был проездом в Омске по пути следования в Москву, и подобно мне, запросто зашёл в театр на чай к Боре Мездричу

...Поискали следы крови на траве. Не обнаружив её, поняли, что, симулировав ранение, коза (или козёл, - установить половую принадлежность зверя мы не успели) нас ловко обманула. Впрочем, её можно было понять, ведь ставка для неё была не больше, но и не меньше, чем жизнь.

Готовясь ответить за упущенного козла, я сконфуженно молчал, одновременно пытаюсь сообразить, почему мне вдруг привиделся тигр. Довольно быстро нашлось удовлетворительное объяснение этому. Дело было, видимо, в том, что от кустов на шкуру зверя легли тени, принятые мной за полосы на тигриной шкуре, а поскольку встреча с настоящим тигром ещё не изгладилась из моей памяти, его нарисовало перед глазами моё воображение.

Выпущенная из Толиного ружья пуля, скорее всего, срикошетила от кустов и не задела кошулю. Он сокрушался потом, что стрелял не картечью, - разлетаясь веером, она существенно повышает шансы на охотничий успех и очень эффективна при стрельбе по не очень крупному зверю. По сути, я спас козу, - у неё не было никаких шансов уйти от пули из двух карабинов и одного ружья, пока она шла так медленно. Впрочем, Толя тоже невольно приложил руку к делу охраны диких животных, - подожди он несколько секунд со своим выстрелом, то мы бы наверняка успели проделать в шкуре козы несколько аккуратных отверстий. Вполне возможно, что и одного выстрела хватило бы.

Вскоре вернулась тяжело дышащая Кема. Она тоже чувствовала свою вину, что так легко “купилась” на манёвр козы, и отводила глаза в сторону. Не солоно хлебавши, мы вернулись в лагерь, чтобы продолжать потчеваться надоевшей тушенкой, зато теперь и у меня есть своя охотничья история.

... Возвращаясь к первой фразе моего повествования, хочу добавить, что в дальнейшем мне, исходившему сотни километров по приморской тайге, иногда вопреки правилам техники безопасности одному, и практически без оружия, - молоток, причем, со мной всегда был, - так и не довелось больше встретиться с тигром. Как не пришлось более созерцать и призрачные тени с нимбами над головой, но жизнь ведь ещё продолжается!

Г. Ботряков